

Введение

История морского могущества есть в значительной степени, хотя и не исключительно, повествование о состязаниях между нациями, о соперничестве между ними, о насилии, часто приводящем к войне. Глубокое влияние морской торговли на богатство и силу государств стало ясным задолго до того, как были открыты истинные законы, управляющие ее ростом и процветанием. Чтобы обеспечить своим народам несоразмерную долю благ морской торговли, правительства не жалели никаких усилий, стараясь помешать участию в ней других наций как путем мирных законодательных мер (монополии, запретительные правила), так и путем прямого насилия, когда эти меры не приводили к цели. Столкновение интересов, раздражение, порождавшееся попытками добиться большей доли в выгодах морской торговли, если не захватить ее полностью, приводили к войнам. С другой стороны, ход и результаты войн, возникавших из других причин, значительно видоизменялись контролем над морем. Поэтому история морской силы, обнимая, в широком смысле, все, что помогает нации сделаться великой на море или через посредство моря, является в значительной мере военной историей; именно с этой точки зрения (главным образом, хотя и не исключительно) история морской силы и будет изучаться в нашей работе.

Исследование военной истории прошлого, каким является и этот труд, рекомендуется великими полководцами как существенное средство для воспитания правильных представлений о войне и для искусного ведения ее в будущем. Наполеон называет между кампаниями, которые следует изучать солдату, стремящемуся выдвинуться, войны Александра, Ганнибала и Цезаря, коим порох был неизвестен; и профессиональные писатели, в общем, сходятся на том, что если многие из условий войны изменяются с прогрессом в орудиях ее, то в школе истории имеются некоторые уроки, которые остаются постоянными и, имея поэтому универсальное приложение, могут быть возведены в общие принципы. Изучение морской истории прошлого является поучительным еще и потому, что оно иллюстрирует общие принципы морской войны, независимо от больших перемен в орудиях ведения ее, порожденных научными успехами последнего полувека и применением пара как движущей силы.

Таким образом, вдвойне необходимо критически изучать историю и опыт морской войны в дни парусных судов, ибо из них можно извлечь

уроки, имеющие значение и для настоящего, тогда как паровые суда не имеют еще такой истории, уроки которой можно было бы считать принципиальными. О флоте парусном мы имеем много экспериментальных данных; о флоте паровом — почти никаких. Теории о морской войне будущего поэтому почти всецело гадательны; и хотя сделана была попытка подвести под них более солидный базис, опираясь на сходство между флотами паровыми и флотами галерными, двигавшимися под веслами и имеющими продолжительную и хорошо известную историю, все-таки полезно не увлекаться этой аналогией, пока она не будет окончательно проверена. Сходство это, в самом деле, далеко не поверхностное. Черта, общая галерам и паровым судам, — это способность двигаться в любом направлении независимо от ветра. Та же способность создает радикальное различие между названными двумя классами судов и судами парусными; ибо последние имеют перед собой ограниченный выбор курсов, когда ветер дует, и должны оставаться неподвижными, когда его нет. Но если полезно искать аналогии, то разумно иметь при этом в виду и то, что делает эти аналогии неполными; потому что, когда воображение увлекается открытием сходных черт (а это одно из самых приятных занятий для ума), то любое расхождение только что открытых параллелей становится для него настолько нетерпимым, что оно может пренебречь им и даже отказаться признать его существование. Таким образом галера и паровое судно имеют одну общую характерную черту, хотя она присуща им и не в равной степени; но по крайней мере в двух пунктах они существенно различаются между собой и при обращении к истории галер за уроками для поведения военных паровых кораблей различие между ними надо иметь в виду столько же, сколько и сходство, ибо иначе могут быть сделаны ложные выводы. Движущая сила галер во время ее действия быстро и неизбежно ослабевала, потому что человек не мог долго выдерживать столь напряженные усилия; поэтому тактические маневры галер могли продолжаться лишь ограниченное время¹; кроме того, в галерный период действительность наступательного оружия ограничивалась не только близкой, но даже почти исключительно abordажной дистанцией. Эти два условия по необходимости

¹ Так, Гермократ из Сиракуз, предлагавший для отражения Афинской экспедиции против этого города (413 г. до н. э.) приказать флоту выйти навстречу ей и держаться на фланге линии ее продвижения, сказал: «Так как их движение должно быть медленным, то мы будем иметь тысячу случаев атаковать их; но если они все вместе поспешно устремятся на нас, то должны будут налечь на весла, и когда силы их иссякнут, мы сможем напасть на них».

приводили к взаимному стремлению противных сторон атаковать одна другую вплотную, не отказываясь, однако, от искусных попыток обойти или разделить неприятеля — попыток, которые, впрочем, заканчивались рукопашными схватками (*mêlées*). В таком столкновении и в такой схватке, в которой, как показывает история, трудно отличить друга от врага, большое число почтенных, даже выдающихся морских авторитетов нашего времени видит неизбежный результат применения современного морского оружия. Какова бы ни оказывалась цена такого мнения, последнее не может претендовать на исторический базис, раз опорой его служит один только факт, что галера и паровое судно всегда могут идти прямо на неприятеля и снабжены тараном на носу (вышеуказанными различиями сторонники этого мнения пренебрегают). До сих пор эти соображения суть только догадки, окончательное суждение о которых можно отложить до того времени, когда опыт сражений бросит свет на это дело. Пока же есть основание для противоположного взгляда, предполагающего, что такие *mêlées* (схватки) между численно равными флотами, в которых значение морского искусства сводится к минимуму, не являются наилучшим применением для сложного мощного оружия нашего века. Чем увереннее в себе адмирал, чем выше тактическая выучка его флота, чем лучше его капитаны, тем менее должен он стремиться сойтись в *mêlées* с равными силами, ибо в таком случае все его преимущества исчезают, случай занимает главенствующее место и флот его ставится в одинаковые условия со сборищем кораблей, никогда ранее не действовавших вместе¹: история позволяет судить о том, когда *mêlées* целесообразны и когда нет.

Итак, галера имеет одно поразительное сходство с паруходом, но отличается от него другими важными чертами, которые не столь заметны и потому реже принимаются в расчет. В парусных судах, напротив, бросается в глаза резкое отличие от более современных судов; сходные же черты, хотя они существуют и легко могут быть найдены, не так

¹ Автор считает необходимым подчеркнуть, что он не является сторонником сложных тактических маневров, выливающих в бесплодные демонстрации. Он считает, что флот, стремящийся к решительным результатам, должен идти на сближение с противником, но не ранее чем создаст себе благоприятные условия для столкновения (такое преимущество достигается маневрированием и достается на долю того флота, в котором выучка личного состава и руководство им стоят на большой высоте). На практике сражения, в которых противники, очертя голову, бросались друг на друга, столь же часто оставались безрезультатными, как и самые робкие тактические маневры.

очевидны, и поэтому на них обращается меньше внимания. Это впечатление различия увеличивается сознанием крайней слабости парусных судов, сравнительно с паровыми, обусловленной зависимостью первых от ветра; при этом забывают, что поскольку парусные суда сражались с равными себе, тактические уроки их сражений ценны и для нашего времени. Галера никогда не приводилась в беспомощное состояние штилем, и поэтому в наши дни к ней относятся как будто с большим почтением, чем к парусному судну; все же последнее заменило первую и осталось господствующим до дней пара. Способность вредить неприятелю с большого расстояния; маневрировать в течение неограниченного времени, не утомляя людей; использовать большую часть команды для обслуживания наступательного оружия, а не весел, — присущи одинаково как парусному судну, так и пароходу, и по крайней мере столь же важны в тактическом смысле, как и способность галеры передвигаться в штиль или против ветра.

При рассмотрении сходных черт возникает желание не только преувеличить различиями между парусным и паровым судами, но и преувеличить сходство, т. е. дать волю воображению. Так, можно указать, что подобно тому, как парусное судно имело дальнобойные орудия, снаряды которых обладали сравнительно большой пробивной силой, и карронады, характеризовавшиеся меньшею дальностью выстрела, но большею разрушительностью действия, так и современное паровое судно имеет батареи дальнобойных орудий и торпедные аппараты, причем последние могут применяться только на ограниченной дистанции и оказывают разрушительное действие, тогда как артиллерийские снаряды, как и в старину, отличаются своей пробивной силой. Все эти соображения чисто тактические и должны влиять на планы адмиралов и капитанов; аналогия эта действительная, а не притянутая за волосы. Далее, оба корабля, парусный и паровой, при известных обстоятельствах, рассчитывают на прямое столкновение с неприятельским кораблем — первый для абсорбирования его, последний для потопления его тараном; и для обоих эта задача является самой трудной, ибо для выполнения ее судно должно быть приведено в определенный пункт, тогда как метательными орудиями можно пользоваться со многих пунктов обширной площади.

Взаимные положения парусных судов или флотов по отношению к направлению ветра всегда являлись важнейшими тактическими вопросами и составляли, может быть, главную заботу моряков того времени. На первый взгляд может показаться, что так как вопрос о положении относительно ветра совершенно безразличен для парохода, то в со-

временных условиях нельзя найти аналогии с указанным положением, и уроки истории в этом отношении не имеют значения. Но более тщательное обсуждение характерных черт наветренного¹ и подветренного положений, имеющее в виду сущность дела, а не детали его, покажет, что это ошибка. Отличительная черта наветренного положения состоит в том, что занимавший его корабль или флот обладал возможностью, по желанию, отказаться от сражения или дать его, что, в свою очередь, позволило им занять наступательное положение при выборе метода атаки. Это преимущество сопровождалось и некоторыми невыгодами, как то: неправильность боевой линии, подверженность атакующего продольному или анфиладному огню противника и необходимость для него пожертвовать огнем части или даже всех своих орудий при сближении с этим противником.

Подветренный корабль или флот не мог атаковать противника; если такой корабль или флот не желал ретироваться, то ему приходилось переходить к обороне и принимать сражение на условиях неприятеля. Эта невыгода вознаграждалась сравнительной легкостью сохранения боевой линии и непрерывностью артиллерийского огня, отвечать на который неприятель в течение некоторого времени лишался возможности.

Исторически эти благоприятные и неблагоприятные черты имеют свои аналогии в оборонительных и наступательных операциях всех веков. Наступление предполагает известный риск и невыгоды, на которые идут, чтобы настигнуть и уничтожить неприятеля; оборона, пока она остается таковою, отказывается от риска наступления, держится за тщательно выбранные позиции и пользуется положением, в которое ставит себя нападающий. Эти радикальные различия между наветренным и подветренным положениями так ясно просвечивали всегда сквозь облако сопровождавших их второстепенных деталей, что первое положение обыкновенно избиралось англичанами, потому что они руководствовались настойчивой и твердой политикой нападать на неприятеля и уничтожать его; французы же искали подветренного положения, потому что, поступая так, они обыкновенно могли с помощью артиллерии ослабить

¹ Говорят, что корабль находится на ветре или имеет преимущество наветренного положения, когда ветер позволяет ему идти прямо на противника и не позволяет последнему идти прямо на него. Наиболее характерным примером такого преимущества является тот случай, когда ветер дует прямо от одного корабля к другому; но наветренное положение далеко не ограничивается этим случаем. Если подветренное судно принять за центр круга, то противник его может занять наветренное положение, находясь в любой точке почти трех восьмых площади этого круга.

неприятеля при приближении его и, таким образом, избежать решительного столкновения и спасти свои суда. Французы, за редкими исключениями, подчиняли действия флота другим военным соображениям, жалели затраченных на него денег и поэтому старались «экономить» его, занимая оборонительное положение и ограничивая действия флота отражением атак. Подветренное положение, при искусном пользовании им, неизменно оказывалось замечательно приспособленным для этой цели, до тех пор, пока неприятель обнаруживал более мужества, чем расчетливости; но когда Родней выказал намерение воспользоваться преимуществом наветренного положения не только для атаки, но и для сосредоточения своих кораблей против части неприятельской линии, то его осторожный противник де Гишен (de Guichen) изменил свою тактику. В первом из трех сражений французы занимали подветренное положение; но, поняв цель Роднея, он стал маневрировать, пытаясь выйти на ветер, — не для того, чтобы атаковать неприятеля, а затем, чтобы не принимать сражения иначе, как при условиях, намеченных им самим. Способность флота предпринять наступление или отказаться от сражения зависит теперь уже не от положения его относительно ветра, а от превосходства его в скорости; это превосходство, в свою очередь, не опирается только на скорость отдельных кораблей, а зависит и от тактического единообразия их действий. Таким образом более быстроходные корабли имеют возможность занять наветренное положение.

Не тщетно поэтому, как думают многие, полагать, что в истории парусных судов, так же как в истории галер, можно найти полезные уроки. Обе категории судов имеют черты сходства с современными судами; но они все же отличаются от них настолько существенно, что невозможно приписывать их опыту и образу действий значение тактических precedентов, которым следует подражать. Но precedent отличается от принципа и имеет меньшую ценность, чем последний. Первый может быть ошибочным с самого начала или может потерять свое значение при перемене обстоятельств; последний коренится в самой природе вещей, и как бы ни были различны его приложения при перемене обстоятельств, он остается тем стандартом, которого надо держаться для достижения успеха. Война имеет такие принципы; их существование раскрывается изучением прошлого, которое доказывает неизменность их от века до века в истории успехов и неудач. Условия и виды оружия меняются; но для того, чтобы преодолевать одни и успешно управлять другими, нужно с почтением относиться к постоянным наставлениям истории в области тактики на поле сражения и в той, более широкой области военных операций, которая называется «стратегией».

И именно в этих, более широких операциях, которые охватывают целый театр войны и в морском конфликте могут распространиться на большую часть земного шара, уроки истории имеют более очевидное и постоянное значение, потому что условия остаются здесь более постоянными. Театр войны может быть более или менее обширным, трудности, которые он представляет, — более или менее очевидными, сражающиеся армии — более или менее многочисленными, проведение необходимых маневров — более или менее легким, но эти различия суть различия в масштабе или в степени, а не в сущности дела. По мере того как дикость уступает место цивилизации, развиваются средства сообщения, через реки перебрасываются мосты, увеличиваются продовольственные ресурсы, военные операции облегчаются, ускоряются и делаются более обширными; но принципы войны, с которыми они должны сообразоваться, остаются неизменными. Когда передвижение пешком сменилось переброской войск в повозках, когда эта последняя в свою очередь сменилась железнодорожными перевозками, — масштаб расстояний увеличился, или, если хотите, масштаб времени уменьшился; но принципы, которые определяли пункт, где армии надлежало собраться; пункт неприятельских позиций, который следовало атаковать; необходимость защиты коммуникации и т. п. — не изменились. Так же и на море переход от галеры робко пробиравшейся из порта в порт к парусному судну, смело пускавшемуся в плавание на край света, а от него к современному паровому судну, увеличил район и быстроту морских операций, не вызвав необходимости в изменении принципов, ими управлявших. И вышецитированная речь Гермократа, произнесенная двадцать три столетия назад, выражала правильный стратегический план, который в своих принципах также приложим к делу теперь, как был приложим тогда. Прежде чем враждебные армии и флоты приходят в соприкосновение (контакт), — слово, которое, быть может лучше чем всякое другое, указывает грань между тактикой и стратегией, — необходимо еще решить большое число вопросов, обнимающих весь план операций на всем театре войны. Между ними находятся: определение настоящей функции флота и истинного объекта его действий; пункт или пункты, где он должен быть сосредоточен, учреждение складов угля и продовольствия; обеспечение сообщения между этими складами и отечественной базой; определение военного значения борьбы против торговли, как решительной или второстепенной операции войны; выбор системы, с помощью которой уничтожение торговли противника может быть достигнуто (действия отдельных крейсеров или удержание боль-

шими силами какого-либо жизненно важного пункта, через который должно проходить судоходство неприятеля). Все это — стратегические вопросы, и по поводу каждого из них история может сказать многое.

Недавно в английских морских кругах прошла интересная дискуссия о сравнительных достоинствах политики двух английских адмиралов, лорда Гоу (Howe) и лорда С. Винцента, по отношению к диспозиции английского флота в войне с Францией. Вопрос этот чисто стратегический и имеет не только исторический интерес: сейчас он имеет жизненное значение; и принципы, на которых покоится его решение, теперь те же, что были и тогда. Политика С. Винцента спасла Англию от вторжения и в руках Нельсона и его собратьев-адмиралов привела прямо к Трафальгару.

Итак, особенно в области морской стратегии, значение уроков прошлого отнюдь не ослабевает со временем. Они полезны здесь не только как иллюстрации принципов, но и как прецеденты, в силу сравнительного постоянства условий. Это не столь верно по отношению к тактике, т. е. к действию флотов с того момента, когда они приходят в столкновение в том месте, куда их привели стратегические соображения. С непрерывным прогрессом человечества совершаются и постоянные перемены в оружии, а последние влекут за собой и перемены в способах сражения, в диспозиции и образе действий войск или кораблей на поле сражения. Отсюда у многих лиц, занимающихся морскими вопросами, возникает стремление думать, что из изучения опыта прошлого не может быть извлечено никакой выгоды и что такое изучение равносильно простой потере времени. Это мнение, хотя и естественное, не только упускает из виду те широкие стратегические соображения, которые заставляют нации содержать флоты, определяя сферу их действий, и таким образом влиять на историю мира, но является узким и односторонним даже с тактической точки зрения. Сражения прошлого сопровождалось успехом или неудачей, подобно тому, происходили ли они в соответствии с принципами войны или нет; и моряк, который тщательно изучает причины успеха или неудачи, не только открывает и постепенно осваивает эти принципы, но также приобретает прогрессирующую способность прилагать их к тактическому использованию судов и оружия его собственного времени. Он заметит также, что перемены в тактике не только имеют место по с л е перемен в оружии (это неизбежно), но что промежутки между такими переменами несообразно велики. Это несомненно происходит от того, что усовершенствования в оружии вызваны энергией одного или двух человек, тогда как перемены в тактике должны преодолеть

инертность целого консервативного сословия; но такая инертность есть большое зло. Оно может быть излечено только открытым признанием каждой перемены, тщательным изучением возможностей и недостатков нового корабля или оружия и последующим приспособлением метода пользования ими к качествам, которыми они обладают, что и определит его тактику. История указывает на тщетность надежды, что военные люди, в массе своей, будут стараться сделать это, но что тот из них, кто поступит так, выйдет на бой с большим преимуществом, — урок сам по себе немаловажный!

Мы можем поэтому привести теперь слова французского тактика Морога (Morogues), написанные столетие с четвертью назад: «Морская тактика основана на условиях, главные причины которых, а именно оружие, могут изменяться; это, в свою очередь, по необходимости производит перемену в конструкции кораблей, в способе управления ими и, наконец, в управлении флотами и в их диспозиции». Его дальнейшее положение, что «тактика не есть наука, основанная на принципах абсолютно неизменных», более подвержено критике. Было бы более правильно сказать, что приложение ее принципов изменяется с переменой оружия. Приложение принципов, без сомнения, изменяется от времени до времени также и в стратегии, но там изменение это гораздо менее значительно, а потому и распознавание лежащего в основе его принципа легче. Это положение достаточно важно для нашего предмета, чтобы мы проиллюстрировали его историческими событиями.

Сражение у устья Нила в 1798 г. было не только решительной победой англичан над французским флотом, но имело также важнейшим следствием своим прекращение сообщения между Францией и армией Наполеона в Египте. В этом сражении английский адмирал Нельсон дал в высшей степени блестящий пример тактики, понимая под последней «искусство проводить хорошие комбинации как перед сражением, так и в ходе его». Данная тактическая комбинация была основана на условии, не могущем иметь место теперь, а именно на невозможности для подветренных кораблей флота, стоявшего на якоре, прийти на помощь наветренным, прежде чем последние были уничтожены; но принцип, лежавший в основе этой комбинации, а именно атака превосходными силами той части неприятельского строя, оказание помощи которой было наименее возможно, не потерял своего значения. Действия адмирала Джервиса (Jervis) при мысе С.-Винцент, когда пятнадцать его кораблей одержали победу над двадцатью семью, определялись именно этим принципом, хотя в этом случае неприятель был на ходу, а не на якоре.

Но умы людей так устроены, что на них, кажется, производит большее впечатление быстрое изменение условий, чем тот бессмертный принцип, который позволил справиться с ними.

Напротив, в стратегическом влиянии победы Нельсона на ход войны принцип, лежавший в основе его образа действий, распознается легче, и он даже может быть прямо приложен к военно-морским операциям наших дней. Исход египетского похода зависел от обеспечения свободы сообщения с Францией. Победа у устья Нила уничтожила морскую силу, которая только и могла обеспечить эту свободу сообщений и предопределила окончательную неудачу всего похода; в данном случае ясно видно не только то, что удар был нанесен в согласии с принципом поражения коммуникационной линии неприятеля, но что этот принцип действует и теперь, во времена парового флота, как действовал он в эпоху галер и парусных флотов.

Несмотря на это, чувство некоторого презрения к прошлому, считающемуся обветшалым, вместе с врожденной беспечностью делает людей слепыми даже к тем неизменным стратегическим урокам, которые лежат на поверхности морской истории. Например, многие ли смотрят на Трафальгарское сражение, венец славы Нельсона и апофеоз его гения, иначе, чем как на отдельное событие исключительного величия? Многие ли задают себе стратегический вопрос: «Каким образом суда его оказались именно там?» Многие ли рассматривают это сражение, как конечный акт большой стратегической драмы, растянувшейся более чем на год, — драмы, в которой столкнулись двое величайших вождей всех времен, Наполеон и Нельсон? При Трафальгаре не Вильнев потерпел неудачу, а Наполеон был побежден; не Нельсон выиграл сражение, а Англия была спасена. И почему? Потому, что комбинации Наполеона не удалось, а интуиция и энергия Нельсона всегда держали английский флот на следе неприятеля и привели его в решительный момент к месту победы¹. Тактика Нельсона при Трафальгаре, хотя и подлежащая критике в деталях, в своих главных чертах была согласна с принципами войны, а смелость ее оправдывалась столько же исключительностью случая, сколько и результатами; но великие уроки эффективной подготовки, активного и энергичного проведения операций, заключающиеся в обдуманных и дальновидных действиях английского флотоводца в предшествующие месяцы, являются уроками стратегическими и, как таковые, остаются ценными и поныне.

¹ См. примечание на с. 28.